

**ОСНОВЫ ЗАКОННОСТИ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ
КОНЦЕПЦИЯХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
(С. А. МУРОМЦЕВ, Н. М. КОРКУНОВ)***

Рассмотрены основные черты позитивистских правовых теорий С. А. Муромцева (первого председателя Государственной думы России) и одного из видных правоведов, профессора Н. М. Коркунова, указавших пути и способы юридической защиты личности, разграничения и охраны интересов каждой отдельной личности как основного средства обеспечения правопорядка общества и гармоничного развития отношений личности и государства.

Одной из существенных черт русской социально-философской и политико-правовой мысли является внимание к личности, к проблеме взаимоотношения ее с государством. Обоснование свободы личности невозможно вне обращения к правовым основам, без понимания той громадной роли, которую играют в жизни общества и государства право и пра-

вовые отношения, выступающие в качестве гаранта законности защиты прав и свобод личности. Не случайно многие из русских философов были одновременно и правоведами. В конце XIX — начале XX века российская политико-правовая идеология, отставая в своих программных положениях от западноевропейской, в теоретическом отношении стояла

Статья посвящена 100-летию парламентаризма в России.

на ее уровне, а в некоторых отношениях превосходила юридическую мысль Запада¹.

В условиях возрастающей общественной роли государства, с развитием его представительных органов, связанных с расширением круга лиц, имеющих избирательные права, а также со становлением системы политических партий, участвующих в выборах, и деятельности законодательных учреждений, требовались новые научные подходы к анализу правовой деятельности. «В наши дни, — писал известный правовед П. И. Новгородцев, — поворот к отвлеченной идее права знаменует собой некоторый глубокий процесс в жизни и мысли современных обществ... Старые формулы и формы, старые верования, заимствованные еще от XVIII века, не удовлетворяют никого более; там и здесь высказываются новые требования, чувствуется потребность новых начал... с разных сторон и в различных формах все яснее и яснее обозначаются признаки и предвестия новых учений...»².

Эти требования касались и социологического обоснования права как системы социальных норм, гарантируемых принудительной силой государства, и права, разграничивающего интересы граждан, права как «должного порядка общественных отношений», защищенного организованным (юридическим) способом. От правовой науки требовалось также обоснование права как правопорядка, согласующего интересы общества и личности, устанавливающего нормы прав и обязанностей субъектов в системе социальных отношений. С позиции теории юридически защищенного интереса требовалось: определить типы и способы рационального правового разграничения сталкивающихся разнообразных интересов, исследовать право

с точки зрения сущего (действительности) и должного (идеала). Поиском гарантий законности, определением самого понятия закона, при отсутствии представительных учреждений, с позиции теории юридически защищенного интереса занялись известный юрист, государственный деятель, будущий председатель первой Государственной думы России С. А. Муромцев (1850–1910) и один из видных представителей либерального крыла русского правоведения, профессор права Н. М. Коркунов (1853–1904).

В 80-е годы С. Муромцев закладывает прочные основания для развития в России науки гражданского правоведения в духе новых философских правовых идей юридического позитивизма. Его труды, такие как «Определение и основное разделение права» (1879 г.), «Суд и закон в гражданском праве» (1880 г.), «Гражданское право Древнего Рима» (1883 г.), «Рецензия римского права на Западе» (1885 г.), «Что такое догмы права» (1885 г.) и др., стали известны за рубежом (в частности в Германии). Как юрист-политик С. А. Муромцев выступил убежденным защитником связи права с жизнью в духе лучших идеалов правовой и политической культуры своего времени и, по существу, стал законодателем творческой деятельности в отправлении российского правосудия.

Период реакции 80–90-х годов укрепил в С. А. Муромцеве оппозиционное отношение к самодержавию. В 1904–1906 годах он становится одним из руководителей партии кадетов и председателем первой Государственной думы России. После роспуска последней он возобновляет преподавательскую деятельность в Московском университете, читая курсы по гражданскому праву и

методологическим основам социологической юриспруденции.

По своим философско-политическим и правовым взглядам С. А. Муромцев — сторонник легистского позитивизма. Отрицая метафизическое умозрение как средство получения знаний, единственным источником знаний он признает конкретные (эмпирические) науки. Юридический позитивизм (легистский позитивизм) под правом понимал законные и подзаконные нормативные акты, то есть правила, установленные государством, веление суверена, верховной власти. Юридический позитивизм — одна из сторон философии права, которая в своем становлении была близка социологическому позитивизму или позитивистской социологической теории права³. Социологическая юриспруденция требовала изучения права в контексте всей общественной жизни, в тесной связи с другими многообразными социальными явлениями. С. А. Муромцев в духе О. Конта и Дж. Ст. Милля выступил против превращения правоведения в формально-догматическую дисциплину, которая, по его мнению, сводилась к схоластической игре в понятия («юриспруденции понятий»), далекой от науки и научного содержания.

Он критикует как метафизическую позицию, исходя из которой историческое развитие личности, общества, права, политики, власти рассматривалось в качестве процесса становления абсолютного разума, так и позицию прагматизма, базирующего свои идеи на непосредственном практическом интересе. По его мнению, наука, исследующая политико-правовые отношения, должна преследовать определенные цели и задачи: 1) удовлетворение потребностей, которые создаются жизнью; 2) изучение законов политико-правовых социальных

явлений; 3) открытие законов, по которым происходит смена форм общественной и юридической жизни; 4) определение социальных и правовых отношений, в которых состоят правовые явления между собой и с явлениями других социальных групп; 5) закрепление правового взаимоотношения между государством и личностью.

Разграничивая функции науки и политики, С. А. Муромцев подчеркивал главное их назначение. Если наука, выступая в качестве объективного наблюдателя, «определяет, что *есть*, то политика, в смысле теории искусства, ... определяет, что *должно быть*, к чему *следует* стремиться». Что касается права, то объективно-научные исследования, по его мысли, «способны осветить путь гражданско-юридической практике — как законодательной, так и судебной»⁴.

Цель написания своего основного труда «Определение и основное разделение права» С. А. Муромцев связывал с вновь возрастающим в обществе интересом к общим вопросам правоведения, интересом, обусловленным необходимостью радикального преобразования правовой науки. Речь шла о систематизации и классификации не новых идей, но тех, которые «все еще не были сопоставлены в порядке, наиболее благоприятном для справедливой оценки их». Согласно его концепции, каждое состояние общества есть «результат предшествующего состояния всей совокупности внешних и внутренних условий, составляющих естественный необходимый результат законов исторического развития человечества». Видоизменения постоянны и бесконечны. Они происходят в обществе в постоянной борьбе различных политических сил. Это создает новые стимулы социальной деятельности людей и «постоянной перестройки общественного

строю». Поскольку нет вечных общественно-политических состояний, нет и вечных правовых норм. Отсюда главная задача научно-объективной теории права состоит в открытии социологических законов развития преемственности и существования права как совокупности юридических отношений между определенными группами явлений... Догма права не может быть наукой в собственном смысле. Подобно искусству, она используется в качестве прикладной технико-вспомогательной дисциплины, «занятой описанием, систематизацией, классификацией и комментированием действующего права»⁵.

Научно-объективный подход в теории права позволил С. А. Муромцеву осмыслить правовую систему как действующий правовой порядок. В отличие от подхода к праву как к совокупности юридических норм, определяющих пределы и способы юридической защиты отношений, предписанных властью, Муромцев под правом понимает совокупность юридических отношений — правовой порядок, а юридические нормы — как непосредственный могущественный фактор, атрибут правового порядка. Такой подход принципиально изменил характер определения права. По Муромцеву, право не отождествляется с велением носителя верховной власти в государстве, ибо сама власть не может формировать нормы абсолютно, что во многом и определяет либеральный режим властвования, обеспечивая социальную защиту граждан. Все это способствовало истинному пониманию специфики права, его сущности и роли.

Новая правовая методология С. А. Муромцева определяла и политическую направленность власти, ограничивала возможность злоупотребления ею. Большое значение Муромцев придавал требова-

нию изучать право функционально, во взаимосвязи с другими социально-политическими явлениями. В соответствии с его концепцией исходную основу и средоточие права социологическая теория права видит не в законодательстве, а в самом обществе. Поэтому право, по мысли Муромцева, должно изучаться не «в-себе-и-для-себя», как чистая форма, а «как одно из выражений всей социальной жизни общества», с учетом умственной, нравственной, этнографической, политической, экономической среды, ибо экономическая, политическая, юридическая деятельность народа управляется одними и теми же внутренними и внешними факторами⁶.

Критикуя формально-догматический подход к праву, С. А. Муромцев считает, что правоведение как наука должно развиваться в тесной взаимосвязи с общей социологией, психологией, политической экономией, политологией и другими общественными науками. Социально-политическая обусловленность права находится в тесной связи с его функциональным изучением, под которым он понимал весь историко-культурный контекст исследования юридических норм. Требование системного и функционального изучения права — одна из характерных черт социологии юриспруденции С. А. Муромцева.

Большое внимание при разработке своей оригинальной концепции права он уделял обоснованию судейского творчества и ниспровержению официальной законности. Согласно его взглядам, задачей науки не может быть отыскание системы норм. Формирование новых норм должно принадлежать законодателю, а их выполнение — судопроизводству. «Из соображений справедливости, — пишет он, — суд отклоняется от существующих норм, но, не имея

власти на их изменение, прибегает для осуществления своих стремлений к скрытым средствам, в обход закона»⁷.

«Существенная задача суда, — подчеркивает он, — состоит в индивидуализации права». Эту мысль он подкрепляет следующими рассуждениями. Если, согласно формальной теории права, закон выражается общими правилами, судья руководствуется ими. Однако, исходя из специфики самого суда, судья, руководствуясь общим правилом закона, придает ему особый смысл, сообразный с условиями случая. «В здоровой государственной жизни суд творит так же, как законодатель, только при помощи иных приемов... Он столько же озабочен видоизменением закона, когда этот последний перестал уже казаться справедливым. Судья — законодатель, он проводник в жизнь тех начал, которые сознание общества объявляет справедливыми и естественными»⁸.

Как лидер либерального движения конституционных демократов, как теоретик русского «неолиберализма», особое внимание он уделял правовой защите личных (частных) интересов в системе отношения личностного и государственного начал, частного интереса и общественного блага. Под влиянием телеологической концепции права Р. Иеринга С. А. Муромцев рассматривал частный интерес как «самостоятельность отдельного лица в кругу данного общества». Не только эгоистическими устремлениями и частными интересами определяются отношения социально-политического и правового порядка, но, главное, осознанием личностью этих отношений, которым она подчиняется и по необходимости дорожит. В этом Муромцев видел начало социального прогресса, заключенного в развитии индивидуальности. По развитию правового

самосознания отдельного субъекта он судил и о развитии правосознания народа, нации. Например, успешное правление, утверждал он, невозможно без умственно и нравственно развитых управляющих, так же как развитие государственности невозможно без развития политической самостоятельности управляемых.

Так, в одной из своих политических статей, анализируя существующие отношения между правительством и народом, он приходит к заключению, что правительство «не желает прислушаться к голосу самого общества, пренебрегает мнениями сведущих людей, в которых сосредоточивается сознательное мышление русского народа». Усматривая корень зла в оторванной от народа бюрократии, он писал: «Для людей нет ничего унижительнее и оскорбительнее, как чувствовать себя в обязательном подчинении лицам, которые за редкими исключениями не внушают к себе ни уважения, ни доверия»⁹. С. А. Муромцев предупреждает, что всякое действие верховной власти, связанное с принудительными формами восстановления своего авторитета, рождает новое зло. Отсутствие в обществе гласности обсуждения нужд народа бросает его активные элементы в крайности, выражаемые в формах незаконного или законного протеста. Отсюда вывод: «Произвол наверху рождает произвол внизу». Но никакими репрессиями нельзя искоренить зло, убив свободное развитие мысли. Лучшей опорой порядка является сознательное мышление, образованность, разумное и гласное обсуждение вопросов, господство законности в действиях власти. Наряду с учетом сущего, действительного положения дел в обществе, только подход к праву с точки зрения естественных человеческих ценно-

---

стей, человеческих потребностей и интересов, выработанных цивилизацией, соединения права с этикой, в принципе возможно создание должного правового порядка в социально-политическом устройстве людей.

С позиции идеи развивающегося естественного права и права как разграничения интересов выступил *Н. М. Коркунов*. Смена рациональной формы объяснения права естественной, органической (т. е. толкованием происхождения права из недр и традиций народной жизни), с последующим переходом этой последней к концепции исторически развивающейся форме права, означала также и переход к теории правового государства, основанной на единстве народного суверенитета и неотчуждаемых естественных прав и свобод личности. По *Н. Коркунову*, сам по себе народный суверенитет, логически вытекающий из доктрины общественного договора Руссо, по существу, носит априорный характер и «не содержит в себе необходимых гарантий прав личности»¹⁰. Среди юристов и государствоведов росло понимание того, что обеспечение гарантии свободы как высшей ценности, свободы прав личности возможно только с созданием рационально организованного правового механизма социального регулирования (конституции и представительных учреждений), основанного на понимании права как социальной защиты личности, как установленного порядка социальных отношений.

В «Лекциях по энциклопедии права», «Истории философии права» и других произведениях *Н. М. Коркунов* отстаивал позитивную философию права, которая опиралась на обобщения эмпирических данных юридической науки и этим принципиально отличалась от господствовавших тогда традиционных ос-

нов метафизической теории права. В его понимании философия права как система наиболее обобщенного знания вполне совпадает с общей теорией права, и именно ей, полагал он, принадлежит будущее как науке. Подход к обществу с позиции органической теории *Г. Спенсера* давал возможность изучать реальные людские отношения как единое целое, как «общий организм», который можно «разделить на его отдельные организмы и элементы, определить их соотношение и взаимодействие, нормы и цели их действия, а также назначение как целого, так и частей».

Государство, в отличие от всех других общественных форм единства, рассматривается как институт, распространяющий свое влияние на все стороны общественной жизни. Именно через государство и государственную деятельность «творится главным образом история человечества». Необходимой принадлежностью государства является политическая власть в ее наивысшем проявлении. Из всех общественных союзов (семья, общественные классы, церковь) государство есть по преимуществу союз властвующий, пользующийся самостоятельной властью принуждения над свободными людьми¹¹.

Выясняя феномен политической власти, *Н. М. Коркунов* выступает против установившегося со времен схоластики понимания государственной власти как господствующей над всем обществом воли. Считалось, что принуждение является также и существенным признаком права, однако «нельзя, — пишет он, — в принуждении видеть существенного признака права... Принудительное есть отличительное свойство не самого права, а регулируемых им отношений, не юридических норм, а разграничиваемых ими интересов. Непонимание этого раз-

---

личия и делало безысходным спор о принудительном характере права»¹².

Н. М. Коркунов был противником отождествления государственной власти с волей правителей. Подчинение государственной власти, считал он, не зависит от личных качеств и личной воли отдельных правителей, отдельных классов. Если власть — воля, она должна быть единой волей, «организацией всего народа как единого целого». Между тем в исторической действительности, поясняет он, жизнь государства представляет собой не проявление над всеми господствующей единой воли, а борьбу многих противоположных волей и интересов. Юридическая организация государств строится на сочетании действия нескольких самостоятельных, независимых друг от друга волей и интересов (борьба политических партий, чередование партий у власти и т. п.).

В этом случае функция права есть «разграничение интересов» и средство урегулирования конфликта интересов и борющихся волей. Правовое регулирование, разграничение интересов, считает Коркунов, не может обойтись без участия государственной власти, которая как «объект права» и «предмет пользования и распоряжения» является инструментом обеспечения правового порядка. Отсюда вывод: «Только те нормы имеют силу, которые признаются и соблюдаются властью как монополистом принуждения»¹³. В этом смысле концепция Н. М. Коркунова существенно дополняла и углубляла концепцию немецкого правоведа Р. Иеринга о роли права как защиты интересов с помощью юридических норм. Новая концепция «о регулировании и разграничении интересов» давала возможность изучать не только соотношение и взаимовлияние интересов общества и государства, но и

противоречия между ними. В перспективе это вело к рассмотрению государства как определенной социальной силы, а права — как выражения социальных противоречий и их регламентации. Вследствие этого теория власти, по Коркунову, должна рассматриваться в связи с понятием государства как «юридического отношения между обществом и государственной властью», а наука государственного права должна излагаться как «учение о юридическом отношении государственного властвования».

В своем учении о власти и праве Н. М. Коркунов указывает на правовые механизмы самоограничения государственной власти. По его мнению, в каждом государстве власть стремится к тому, чтобы установленное ею право было обязательным не только для отдельных граждан в их отношениях между собой, но и по отношению к своей собственной организации. Ограничивая себя правом, государственная власть усиливает в обществе чувство законности. Эти основания, пишет он, «являются мотивами, побуждающими государственную власть не нарушать существующих прав граждан»¹⁴.

Н. М. Коркунов солидарен с мыслью Р. Иеринга о том, что чувство законности тесно связано и обусловлено правовым чувством. Последнее является также гарантом самоограничения государственной власти.... Другой гарантией является разделение отдельных функций власти.

В систему разделения властей Н. М. Коркунов вносит ряд оригинальных моментов. Все разнообразные функции государственной власти он сводит к трем основным: 1) к установлению юридических норм, разграничивающих сталкивающиеся интересы; 2) к разрешению возникающих от применения этих норм споров о праве; 3) к дей-

---

ствительному осуществлению личных интересов в общественной жизни. Эти функции соответствуют трем главным отраслям власти: законодательству, управлению и суду. Наибольшее значение, в отличие от Аристотеля и Дж. Локка, этим функциям придавали Ш. Монтескье и Г. Гегель. Оспаривая Монтескье, Коркунов считает его деление власти нелогичным, как «совершенно несоответствующее ее действительной группировке функций власти». Он выделяет судебную функцию, которая по своей исключительности и есть начало права. Две остальные — законодательная и исполнительная — гораздо больше сходны, чем исполнительная и судебная. Они руководствуются началами целесообразности и имеют дело с будущим.

Учитывая, что судебная власть резко отличается своей независимостью и от правительства, и от общества, Н. М. Коркунов принимает двойную классификацию функций государственной власти, соединяя исполнительную функцию не с судебной, а с законодательной. В итоге, заключает он, «такая классификация может быть признана общеприменимой классификацией». Исходя из такого подхода, в системе разделения властей он различает две основные функции государственной власти: правительственную (распадающуюся на законодательную и исполнительную), которая становится отраслью науки государственного права, и судебную как самостоятельную отрасль судопроизводства¹⁵.

В этой связи он рассматривает вопрос о соотношении закона и указа, приоткрывая еще одну из сторон правового несовершенства сущего, бытия (российского правового порядка). Н. М. Коркунов не исключает совместного властвования законодательной и правительственной власти, допускающего установление

юридических норм в различных формах: в законах, указах, высочайших указах, при контроле со стороны суда правомочной силы указов. Под законом Коркунов понимает веление верховной власти, исходящее от совместного решения монарха и Госсовета, все остальные правительственные решения, распоряжения монарха причисляются к категории указа. Взаимное сдерживание государственных органов выражается здесь в том, что указы имеют силу только при условии непротиворечия законам.

По Коркунову получается, что государь может сосредоточить в своих руках всю полноту верховной власти безраздельно, но только при правомерном ее осуществлении. То есть в реальности власть монарха остается абсолютной, и различия между законодательством и верховным властвованием пока лишь формальны, и остается только уповать на идеал должного (будущего).

По вопросу источника права, правовых норм Н. М. Коркунов придерживался неокантианской концепции сущего и должного, исходящей из понимания источника права не из несовершенного бытия, а из требований целесообразности деятельности общего субъективного разума, достигшего цивилизации. Более того, право как продукт совокупного сознания отдельных индивидов и их коллективной духовно-психологической деятельности связано, в конечном итоге, с обязательным требованием восприятия трансцендентного высшего должного (божественного или естественного) права. «Божественные веления, природа вещей, требования разума, соображения целесообразности, внушения нравственного долга — все это может вызвать образование соответствующих правовых норм лишь тогда, когда будет воспринято человеческим сознанием... Субъек-

---

тивное сознание действительно является как бы фокусом, в котором сосредоточивается действие всех факторов правообразования»¹⁶.

Порожденное и развитое временем и соответствующей исторической эпохой правосознание находит свое выражение во внешних объективных формах — в юридических обычаях, в судебной практике и в законах. Согласно его правовой концепции, право имеет две различные, но взаимосвязанные стороны: юридические отношения (право в субъективной форме) и юридические нормы (право в объективной форме), имеющие всегда своей целью «устранение столкновения интересов». Объективно сложившиеся нормы обуславливают собою юридические отношения, несмотря на то, что исходят первоначально от этих последних. «Как бы то ни было, — отмечает Коркунов, — раз общие юридические нормы сложились, они необходимо обуславливают собою субъективные права»¹⁷.

Развитие права рассматривается им как борьба старого, бессознательно установившегося права с новым, сознательно выработанным и более соответствующим современным условиям жизни. Этими рассуждениями Н. М. Коркунов подводит к мысли о том, что сменяемость юридических норм приводит к смене юридических институтов, которые руководствуются этими нормами, и в этом смысле право подчиняется в своем развитии определенным закономерностям. Новая юридическая норма, объективированная в обычаях, в законах и в судебной практике, становясь внешним фактом, порождает отношение зависимости от него субъективного сознания, которое не может с ним не считаться¹⁸. Конкретизируя эту мысль, Коркунов поясняет: в юридическом смысле, государство как юридическое отношение, руко-

водствуясь юридическими нормами, обладая юридическим правом в целях поддержания порядка на легитимную монополизацию принуждения, есть «не воля властвующего субъекта, а сознание зависимости подвластного от государства». Поэтому носителями государственной власти являются не органы власти, а все граждане. «Их сознание своей зависимости от государства создает ту силу, которая объединяет государство в одно целое»¹⁹. Согласно такому положению, государство не сила, внешне насильственная, вытекающая из общего внутреннего признания, его власть определяется как «самостоятельное и признанное принудительное властвование над свободными людьми», которое дисциплинируется правом и проникается этическим элементом²⁰.

С этой, как он сам ее называет, позиции «субъективного реализма» Н. М. Коркунов выступил против учений либералов-государствоведов (Р. Моль, Г. Спенсер), отрицательно относящихся к расширению политического поля государственной деятельности, полагающих, что это неизбежно умаляет индивидуальную свободу. «Личная свобода, — пишет он, — есть, без всякого сомнения, основа всякого прогрессивного развития. Новые идеи не могут зарождаться иначе, как в виде индивидуальных идей... Только индивидуальная деятельность способна творить новое. Личная свобода и сама по себе есть великое нравственное благо для человека, сознающего себя самоцельной, самостоятельной личностью»²¹. В то же время, считает Коркунов, вряд ли следует исключить из участия во властвовании *всех* граждан, заинтересованных и приобщенных к ценностям государства, сознающих свою зависимость от государства. Именно это и создает социальное единство и силу государства.

Подлинная задача политической науки заключается в объяснении фактов действительного направления современного государственного развития, в объяснении, что государство не есть само по себе сущее, независимо от людей, его составляющих, а организация, деятельность которой складывается из действий тех же отдельных личностей. «При широком развитии государственной деятельности, — делает вывод Коркунов, — индивидуальная инициатива не будет подавлена, если все население будет призвано к участию в политической жизни, если каждому будет открыт доступ к государственной деятельности, ...если состав государственных учреждений не будет иметь кастовой замкнутости, если они будут доступны притоку всех живых сил общества, всех выдающихся личностей»²².

Высокую оценку психологической теории властвования Н. М. Коркунова дал известный государствовед Л. А. Тихомиров. В своей знаменитой работе «Монархическая государственность» он писал: «В нашем государственном праве много надежд возбудил Н. М. Коркунов, ум чрезвычайно живой и способный к самостоятельным концепциям. У него есть многое, как бы обещавшее дать новые основы и для понимания самодержавного принципа, а именно в учении о властвовании. По Коркунову, государственная власть не составляет воли, а есть сила, которая вытекает «из сознания людей их собственной зависимости от государства. С этой точки зрения власть идет не извне, а изнутри народа, из самой его психологии»²³.

Итак, опираясь на данные социальной психологии и субъективного метода исследований, Н. М. Коркунов заложил основы психологического учения о политическом властвовании, в котором

сделал попытку соединить психологическую концепцию политической власти с правовыми и социологическими построениями. В соответствии с этим учением государственная власть как система, регулирующая права и обязанности граждан, представляет собой организацию всего народа. Как «монополист принуждения», уничтожая или сокращая всякие другие виды насилия, она создает на основе права условия для проявления свобод личности и более умеренного режима властвования.

В заключение следует сказать о значении политико-правовых идей правоведов и государствоведов С. А. Муромцева, Н. М. Коркунова, об их вкладе в русскую либеральную политико-правовую мысль. Если Муромцев стал одним из тех, кто с помощью социологии как науки, изучая живые факты действительности, на основе их дедуктивной и индуктивной переработки и обобщений способствовал формированию новых теорий права, открывающих возможность вторгнуться в нетронутые еще этой наукой области, то Н. М. Коркунов был один из тех первых в России мыслителей, кто противопоставил метафизическому определению права как совокупности неизменных норм идею относительности естественного права как «особой группы явлений общественности, изменяющейся в ходе истории». Весьма оригинальна его мысль, что государство не представляет собой навязанной извне, отчужденной от людей воли, а есть сила, которая вытекает из сознания гражданами собственного их признания значимости государства и необходимости выполнения обязанностей перед ним.

Таким образом, заложив новые либерально-демократические основы политико-правовых принципов государствен-

---

ного властвования в условиях отсталости существующего государственно-правового устройства России, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов указали пути и способы юридической защищенности, разграничения и охраны интересов каждой отдельной личности как основного средства обеспечения правопорядка обще-

ства и гармоничного развития отношений личности и государства. Они содействовали эволюции правотворческой функции государства в направлении более либерального режима властвования. Их новые политико-правовые идеи стали обоснованием конституционных идей, правового государства в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 233.
- ² Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 12.
- ³ См.: Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России М., 1978. С. 58–73; Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 311–319.
- ⁴ См.: Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 14, 15.
- ⁵ Муромцев С. А. Что такое догма права? М., 1885. С. 6, 8.
- ⁶ См.: Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. С. 33.
- ⁷ Там же. С. 151.
- ⁸ Муромцев С. А. Право и справедливость. М., 1886. С. 123.
- ⁹ Муромцев С. А. Статьи и речи: В 4 вып. М., 1910. Вып. 1. С. 16–17.
- ¹⁰ Коркунов Н. М. История философии права. С. 201.
- ¹¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1887. С. 212–215.
- ¹² Там же. С. 68.
- ¹³ Там же. С. 69.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 243.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 254.
- ¹⁶ Там же. С. 263.
- ¹⁷ Там же. С. 113.
- ¹⁸ См.: Коркунов Н. М. Сб. статей. СПб., 1898. С. 10.
- ¹⁹ Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 193.
- ²⁰ См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Введение. СПб., 1893. С. 36.
- ²¹ Коркунов Н. М. Государство и свобода. СПб., 1894. С. 6.
- ²² Там же. С. 7–8.
- ²³ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 331.

А. Golikov

**THE FOUNDATIONS OF LAW AND DEFENDING HUMAN RIGHTS
AND FREEDOM OF PERSON IN THE SOCIAL PHILOSOPHIC
AND POLITICAL LEGAL CONCEPTS OF RUSSIAN LIBERALS
OF THE END OF XIX — THE BEGINNING OF XX CENTURY
(S.A. MUROMTSEV, N.M. KORKUNOV)**

The positivistic law theories of S. A. Muromtsev (the first Chairman of the State Duma in Russia) and one of the famous law-men, Professor N. M. Korkunov who pointed out the basic ways of legal protection of society and harmonic development of relationships between the individual and the state are described.